

ИРИНА БОГУШЕВСКАЯ: «Мои песни помогают от похмелья»

Константин Баканов

Ирину Богусhevскую телезрители знают как эстрадную певицу, театралы уверены, что она – талантливая актриса. Ко всему прочему она – пожалуй, единственная сегодня известная поэтесса нового поколения. В пятницу во МХАТе им. Горького Богусhevская представит свою новую концертную программу «Нежные вещи». О предстоящем выступлении и трудностях, которые испытывает сегодня «непопсовый» творческий человек в России, Ирина рассказала «Новым Известиям».

– Раньше в России считали, что поэт – это элитная профессия. Сегодня это так?

– Вы имеете в виду, возможна ли сейчас фигура такого поэта, какими были, например, Пушкин или Лермонтов? Мне кажется, уже в начале XX века сильно

поменялись установки в обществе. Когда-то существовала колоссальная прослойка людей, которая забивала до отказа залы, где происходили так называемые поэзоконцерты. Какой-то аналог этого мы увидели во времена оттепели, когда в зале Политехнического читали стихи Евтушенко, Рождественский, Окуджава, Ахмадулина. Они были рупорами общественного сознания. Сейчас поэзия потеряла эту роль.

– Почему?

– Хороший вопрос – сразу и не ответишь... Наше общество, наши люди в последнее время пережили состояние, которое, наверное, переживают клубника, сметана и молоко, положенные в миксер и основательно взбитые. Все до сих пор просто ошеломлены от перемен. То есть прошел период, когда страна кувыркалась, как хотела, в какой-то невесомости, и сейчас все потихонечку становится на свои места. Не знаю, будут ли существовать в этой структуре поэты как оракулы. Если же появится человек масштаба Бродского и его при этом не выгонят из страны, может быть, он и станет такой фигурой.

Окончание на стр. 5

Вер. Москва - 2008 - 19 янв. - с. 1, 5

«Мои песни помогают от похмелья»

Окончание. Начало на стр. 1

– Говорят, после выпуска одного из музыкальных альбомов вас приняли в Союз писателей?

– Буквально после «Книги песен», причем тогда почти не было издано моих стихов, а лишь буклет с текстами к альбому.

– Вы пишете на вечные темы. А что может повлиять на ваше творчество из более приземленных событий? К примеру, как для поэтов начала века – революция за окном?

– Во-первых, упаси нас Бог от всяких революций за окном. Во-вторых, конечно, на меня влияет все, что происходит, любой творческий человек чувствителен к этому. Я рада, что мой новый альбом «Нежные вещи» получился с очень светлым и радостным настроением, с ощущением, что жизнь – это праздник. Мы успели его записать до Беслана, а после этих событий у меня был шок. Любые тотальные катастрофы, когда гибнет много людей насильственной смертью, меня вырывают надолго, я вообще теряю творческое состояние. Когда я смотрела телемост, посвященный Беслану, мне очень понравилась песня, которую спел Макаревич, – о том, что в жизни все-таки больше света, чем тьмы. Мне бы хотелось создать что-нибудь похожее. Просто это невозможно сделать искусственно, проснуться утром и сказать: «Все, сегодня я напишу гениальную песню о том, что в жизни произошло». Это все должно получиться само.

– В чем особенность вашей новой концертной программы?

– Прежде всего это живая музыка, которая дедовским способом, вручную извлекается из инструментов в присутствии зрителей и точно так же записывается в студии: люди садятся за рояль, берут в руки контрабас, палочки ударных инструментов, какие-нибудь шейкеры, бубны, трещалки-звенелки, гитару... Эта программа создавалась именно так. Для нее я отбирала песни, которые могут быть исполнены со сцены в акустике. Мы не использовали никаких модных компьютерных примочек, мы хотели, чтобы инструменты звучали живьем. Как описать жанр того, что будет происходить 21 января во МХАТе? Меня этот вопрос всегда ставил в тупик, но я все-таки назвала это бразильским шансоном. Мне нравится французское слово «шансон». Если лишить его всех ассоциаций, которые возникают в России, то это Пиаф, Азнавур, Монтан. Почему бразильская? Потому что мы в этой программе использовали много горячих ритмов тех стран, где всегда тепло.

– А как вы думаете, откуда у нас взялся жанр, который принято называть «русским шансоном»?

– Я не специалист в этом вопросе, потому что никогда не сидела в тюрьме. В Библии правильно написано: «Не убий, не укради», нужно в своей жизни этим принципам следовать. От людей, которые исполняют этот русский шансон, меня и отделяют эти десять заповедей. Они считают, что им можно нарушать, я считаю, что нельзя. Вот и вся наша разница. Поэтому я ничего не могу сказать о блатной музыке, я совершенно не разбираюсь в этом вопросе.

– Поставим вопрос по-другому. Чего не хватает сегодня российской песне?

СПРАВКА

Ирина Богушевская стала обладательницей Гран-при конкурса актерской песни имени Андрея Миронова. В 1995 году в Студенческом театре МГУ увидел свет бенефисный спектакль Ирины Богушевской «Зал ожиданий». Она также работала диджеем, была ведущей телепрограммы и редактором музыкальных новостей. Вместе с группой «Случайный оркестр» Ирина Богушевская записала в 1998 году дебютный альбом «Книга песен». В 2000 году у певицы вышел диск «Легкие люди». В 2005 году выходит альбом Богушевской «Нежные вещи».

– Конечно, нам не хватает и нежности, и мудрости, и всего того, что женщины могут дать миру. Мир, в котором мы живем, очень агрессивный, и человеческая агрессия, как мы видим, порождает агрессию природы. Все страшные катаклизмы последнего времени – это реакция на разрушительное отношение человека к природе, друг к другу, к Земле. Не хватает в атмосфере тепла, терпения. Любви не хватает очень сильно. Света, радости. Мы с моими музыкантами стараемся вырабатывать эти вещества на своих концертах.

– Ирина, а если говорить не о «нежных», а о более прозаических вещах, чего лично вам не хватает для творческой реализации?

– Не хватает популярности. Ситуация, которая сложилась с радиоэфирами, для нашей страны, увы, типичная, но ведь она уникальная в мире. Недавно Тигран Кеосаян (кинорежиссер и клипмейкер. – «НИ»), к которому я отношусь с огромным уважением, сказал, что шоу-бизнес – это столовка, и если там не заказывают трюфеля, то их вычеркнул из меню. Я не буду с этим спорить, но он не говорит о том, что в мире, кроме столовок, существуют еще рестораны, и люди приходят и заказывают дорогие, вкусные блюда, а у нас почему-то вся страна должна есть в общепите. Все усредненные эфиры, усредненные форматы привели к тому, что мою музыку вряд ли можно услышать на радио, хотя я уверена, что ее надо слушать, просто она полезна для здоровья, помогает от похмелья и от простуды. Я бы хотела, чтобы эта музыка имела право звучать, чтобы люди сами могли выбирать, какая песня, какой артист им больше нравится. А сейчас у нас с представителями попсового цеха неравные условия. Но при этом, кстати, у меня довольно много концертов, много заказчиков. Как это происходит, большая загадка. Очевидно, в век высоких технологий продолжает работать сарафанное радио.

– Но сарафанное радио не заменит музыкального...

– Знаете, меня часто приглашают в программу «К барьеру» судить какие-то поединки. Я решила, что очень мало свободного времени, чтобы тратить его на судейство. Вот если бы вызвать к барьеру кого-

нибудь из директоров радиостанций, спросить, почему они узурпировали право решать, какую песню люди будут слушать, а какую не будут. Дайте возможность послушать разное, а не только то, что похоже друг на друга. Я думаю, что на моей стороне были бы многие музыканты, которые пишут хорошую, интересную музыку. Программы радиостанций напоминают мне одного товарища из древнегреческой мифологии, его звали Прокруст, вот он – родоначальник формата. Все, что было короткое, он удлинял, все, что было длинное, отрезал. Это и есть профессия программно-го директора. И если на своей второй пластинке «Легкие люди» я еще думала о том, как это прозвучит в эфире, похожи ли мои песни на то, что там постоянно звучит, то теперь махнула на все рукой и делала только то, что мне нравится. И хочу сказать, что компромиссные результаты получились хуже. А что бывает в результате таких компромиссов, мы видим. Ярчайший пример – Игорь Сорин, царство ему небесное. Я знаю, что примерно за год до своей гибели он обращался к разным продюсерам с идеей сделать большой, красивый и серьезный проект. Но у него не получилось выпрыгнуть из костюма «Иванушки». А человек он был очень творческий, и это его, наверно, погубило.

– Вы с Александром Ф. Склярком до сих пор играете программу из песен Александра Вертинского. Он ушел в 57-м, и осталось мало людей, которые его видели и слышали вживую. Сегодняшняя публика его песни в вашем исполнении хорошо принимает?

– Да. Вертинский – гениальный человек. Если через сто с лишним лет после рождения на его имя собирается полный зал, это о чем-то говорит. Можно посмотреть на московскую афишу, его постоянно исполняют сейчас. Столько народу пело с Вертинским одновременно. А кто остался? Никто. Но мне нравится исполнять более жизнерадостную, мажорную музыку. Когда человек говорит о страданиях, он не должен забывать сказать о том, ради чего все это делается, что потом все будет хорошо. В этом смысле мне ближе Утесов.

– Ирина, в мире шоу-бизнеса вас чаще называют певицей, нежели актрисой, и

чаще актрисой, чем поэтессой. Кем вы сами себя считаете?

– Ощущаю себя гармоническим существом, которое может писать стихи, музыку, исполнять все это со сцены и даже иногда произносить с другими актерами какой-то текст. У меня нет специальных амбиций поэтессы, или амбиций композитора, или актрисы. Скорее всего, мне бы хотелось максимально реализовать во всем, что вы перечислили.

– Вы помимо прочего кандидат философских наук...

– Я не кандидат философских наук. Я сдала кандидатский минимум, но не защитила диссертацию, потому что наступило смутное время, эпоха малиновых пиджаков, и я поняла, что на аспирантскую стипендию прожить не смогу. Стало совершенно не важно, какое у тебя образование, стало важно, на чем ты едешь... Пришлось искать другие источники доходов, не совместимые с серьезными занятиями наукой. Не исключаю, что когда-нибудь вернусь к научной философии.

– С января вы играете в театре Вахтангова роль Аниоты в мюзикле «Веселые ребята». Вы не чувствуете себя такой Аниотой русского шоу-бизнеса?

– Хорошая формулировка. Когда я пересмотрела фильм «Веселые ребята», была поражена тем, какая ужасная там роль у Любови Орловой. Мы совершенно не помним, что ее постоянно там тюкают, постоянно посылают на базар, что она крутит хвосты коровам, но зато помним, какой у нее был цилиндр в финале. И я думаю, что у меня тоже будет такой цилиндр, рано или поздно. Я сделаю все, чтобы приделать его себе на голову.